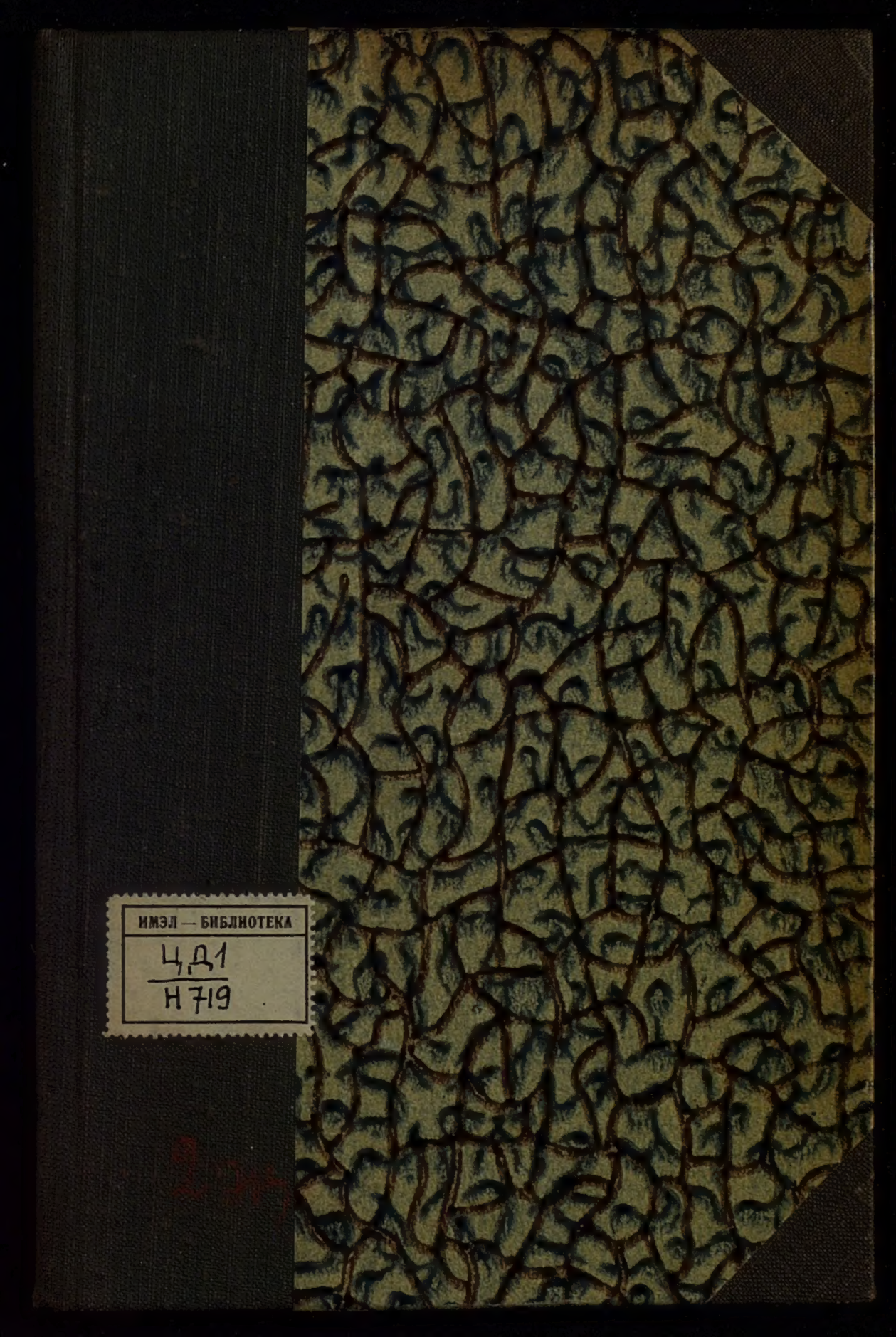


ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ч.Д1
Н719

216

216

ЦАГИ
Н719

К.
ЧДI
Н 719
Анненков
-83
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б)
206
41328
13282

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О ЛЕГАЛЬНОЙ АГИТАЦІИ
въ современной Россіи.

(Посвящается всѣмъ представителямъ русской оппозиціи).

I.

Если бы „солидные“ политики въ рядахъ русской интеллигенціи были лучше знакомы съ русскою политическою исторіею и глубже вникали бы въ то, чему она учитъ,—то эти „солидные“ представители нашего политическаго „прогресса“ въ свое время сберегли бы себѣ болѣе чѣмъ одно крупное разочарованіе. Имъ не пришлось бы ждать и переживать второй, реакціонной половины и исхода царствованія Александра II, тринадцатилѣтняго правленія „міропорца“ Александра III и т. д., — чтобы наглядно убѣдиться въ *эфемерности и практической непродуктивности* „либеральныхъ“ реформъ, совершаемыхъ *на почвѣ царскаго самодержавія*. Дѣло вѣдь въ томъ, что эта политическая истина уже *давно* должна бы быть извѣстна всѣмъ людямъ, для которыхъ новѣйшая русская исторія не есть книга за семью печатями. Вѣдь уже исторія царствованія Екатерины II, а еще болѣе — Александра I какъ нельзя рельефнѣе доказали всю малоцѣнность самодержавныхъ реформъ, а царствованіе Александра II было только лишнимъ, непрерывно-нагляднымъ демонстрированіемъ той истины, что „либеральное самодержавіе“ это — contradictio in adjecto, утопія, а часто — прямо сознательная „Schwindelpolitik“ со стороны правительства.

„Реформы“, совершаемыя самодержавнымъ, а *не* конституціоннымъ правительствомъ, всегда имѣютъ канцелярско-бюрократическій характеръ и, если и не по формѣ, то по сущности своей являются вездѣ — за немногими лишь исклю-

ченіями — просто на просто временными административными „послабленіями“. Кромѣ того такія „реформы“ часто просто остаются на бумагѣ, не проводясь въ жизнь. А гдѣ послѣднее и совершается, тамъ *бюрократическій* способъ ихъ реализаціи всегда въ большей или меньшей степени парализуетъ или даже совершенно нейтрализуетъ ихъ продуктивность *). Часто такая же „нейтрализація“ сдѣланной на бумагѣ самодержцемъ уступки общественнымъ требованіямъ или „духу времени“ достигается чрезъ порученіе царемъ-автократомъ — *именно на основаніи своего самодержавнаго* sic volo, sic jubeo — практическаго „осуществленія“ этой мѣры ея противникамъ въ рядахъ бюрократіи, иногда смертельнымъ. Подобные фокусъ-покусы совершаются самодержцами или по некомпетентности или — прямо умышленно, представляя изъ себя такимъ образомъ классическую (чтобы употребить выраженіе Моммсена) „Schwindelpolitik“ **).

Вообще можно сказать, что „самодержавныя реформы“ въ Россіи суть *въ лучшемъ случаѣ* не что иное, какъ временныя, эфемерныя уступки или „уступочки“, дѣлаемыя правительствомъ въ „минуту жизни трудную“, т. е. во время и непосредственно послѣ разныхъ государственныхъ или правительственныхъ *кризисовъ* ***), для того, чтобы такимъ

---

*) Этого несчастья не избѣгла, какъ извѣстно, и самая важная и въ то же время чуть ли не единственная серьезная и искренняя реформа Александра II — отмѣна крѣпостнаго права. Реформа эта — говоритъ Фридрихъ Энгельсъ — «была (царемъ и его бюрократіей) осуществлена *такъ разумно, что раззорила большинство какъ крестьянъ такъ и помѣщиковъ*».

**) Между прочимъ и «самъ» Александръ II «въ собственной персонѣ» практиковалъ этотъ «либерально»-автократическій швиндель, часто совершенно сознательно, причемъ даже *гордился* имъ, какъ «тонкой и дальновидной политикой». См. объ этомъ, между прочимъ, въброшюрѣ Ф. Волховскаго «Чему учитъ Конституція графа Лорисъ-Меликова?» (Лондонъ, 1894), стр. 25: приведенное тамъ мнѣніе Чичерина и другіе факты. Обращаемъ, кстати, вниманіе всѣхъ солидныхъ (уже *не* въ ироническомъ смыслѣ этого слова) русскихъ политиковъ, не исключая и «имѣющихъ высокіе чины», на эту весьма дѣльную брошюру, написанную вполнѣ объективно и безъ всякихъ партійныхъ предразсудковъ и пристрастій.

***) Историческіе примѣры такихъ кризисовъ за 19 столѣтіе: непрочное положеніе Александра I, въ качествѣ узурпатора и (мнимаго) «отцеубійцы», на престолѣ въ первые годы своего правленія (періодъ либеральнаго самодержавія). Кризисъ, вызванный Крымскою

образомъ „перескочить“ чрезъ нихъ, а послѣ, — т. е. когда кризисъ благополучно минуетъ и раны отъ него успѣютъ залечиться, — или de jure или по крайней мѣрѣ de facto брать обратно свои уступки, возвращаться снова къ реакціонному самодержавію 96 пробы.

Впрочемъ, не только при кризисахъ, но и во всякое вообще время такая система *бумажнаго* либерализма являлась для русскаго правительства очень выгодною въ сферѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики.

Въ области политики внутренней, т. е. по отношенію къ *русскому обществу*, подобная система Потемкинскихъ деревень, — т. е. пусканіе этому обществу въ глаза пыли въ видѣ „реформъ“ или уже „совершенныхъ“ (на бумагѣ) правительствомъ или „совершающихся“ или хоть „подготовляемыхъ“ имъ, — очевидно нейтрализуетъ т. е. усыпляетъ *активныя* либеральныя стремленія въ этомъ обществѣ, уже въ зародышѣ парализуетъ его желаніе *самому* взяться за устройство собственныхъ судебъ, за свою политическую эмансипацію отъ полицейско-бюрократическаго гнета. „Государь, молъ, *ужъ самъ все за насъ (либераловъ) дѣлаетъ* въ настоящемъ и *совершитъ* въ будущемъ!“

Что же касается примѣненія той же системы бумажнаго либерализма изъ соображеній *внѣшней* русской политики, то многимъ можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, чтобы православное правительство самодержца всея Россіи, — столь свысока смотрящее на „гнилой, пропитанный безбожіемъ и анархіею“ Западъ, — имѣло какую бы то ни было охоту или потребность заискивать предъ этимъ же Западомъ (а въ первой линіи, какъ увидимъ ниже, передъ западно-европейскими „жидами“), по отношенію также и къ нему утруждаться обставлять свою текущую политику декораціями разнаго рода „реформъ“. Но это такъ только *кажется* на первый взглядъ, въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе и притомъ именно вотъ какъ:

„*Русское самодержавіе* (говоритъ Степнякъ на стр. 25 своей брошюры: «Заграничная агитація», Лондонъ 1892) *не можетъ существовать безъ поддержки западной*

войною (то же). Кризисъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ вслѣдствіе появленія революціоннаго терроризма (Лорисъ-Меликовскія «послабленія»).

Европы. Ему нужны деньги для постояннаго заполненія прорѣхъ бюджета; ему нужны союзы или дружественные нейтралитеты, чтобы блескомъ внѣшней политики отвести глаза отъ язвъ политики внутренней. Въ Европѣ же *общественное мнѣніе* управляетъ рѣшительно всѣмъ, начиная съ *биржи* и кончая совѣтами министровъ и парламентами, а *печать* управляетъ общественнымъ мнѣніемъ. Для русскаго правительства поддерживать въ европейской печати насколько возможно дружественныя къ себѣ чувства *вовсе не дѣло сентиментальности*, а вопросъ *государственной необходимости*".

Вотъ тутъ то система бумажнаго либерализма, бумажныхъ „реформъ" и оказывалась для царскаго правительства всегда и дешевою и сердитою. Между прочимъ вышеупомянутая привычка Александра II, — сперва издавать разные „указы" о реформахъ, а затѣмъ ввѣрять „исполненіе" этихъ указовъ лицамъ, принципіально-враждебно настроеннымъ къ тѣмъ же проэктируемымъ реформамъ, — и представляла изъ себя, дѣйствительно, „тонкую" швиндельполитику, давая въ результатѣ, что и волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы: Западная Европа въ общемъ узнавала вѣдь объ этихъ „реформахъ" только насколько онѣ были въ „указахъ" и — восхищалась: „Русское государство реформируется и цивилизуется" — говорили западно-европейскіе капиталисты — „значитъ финансовое его положеніе укрѣпляется, а потому русскому правительству можно спокойно ссужать займы какія угодно большія суммы денегъ". — „Русское правительство ведетъ либеральную политику" — говорили западно-европейскіе либералы и демократы — „значитъ намъ не стыдно быть его союзниками, не конфузно хвалить царя и его сановниковъ въ нашей прессѣ". И т. п. Mundus vult decipi, ergo decipiatur. А дома, т. е. въ самой Россіи, все въ 9 случаяхъ изъ 10, несмотря на „указы" о „реформахъ", на практикѣ оставалось по старому, а мѣнялась лишь форма.

Всякая медаль, какъ извѣстно, имѣетъ свою оборотную сторону и „гдѣ тонко, тамъ и рвется". Потому и „несчастный" Александръ II, со всею этою своею, хотя и „тонкою", но, какъ показалъ исходъ его царствованія, нисколько *не* „дальновидною" швиндельполитикою (которую онъ практиковалъ наполовину сознательно, наполовину безсознательно),

дѣйствительно „оборвался“ — и притомъ, какъ извѣстно, съ большимъ *трескомъ* — 1-го Марта 1881 г. *).

Послѣ *такого*, т. е. трагически-кроваваго исхода эры „либеральнаго самодержавія“ у русскихъ царей, разумѣется, если даже и не разъ на всегда, то во всякомъ случаѣ на очень и очень долгое время исчезъ „аппетитъ“ вступать на путь такъ называемыхъ „либеральныхъ реформъ“ à la Александръ II. Дѣло вѣдь въ томъ, что — при характеризующихъ нашихъ автократовъ умственной ограниченности и маломъ ихъ образованіи — они не могли и не могутъ, конечно, понять, что трагическій исходъ Александра II былъ результатомъ вовсе не его „либерализма“ взятаго самого по себѣ, а, напротивъ, совершенно естественнымъ, если не прямо фаталистическимъ послѣдствіемъ его недальновидной и неискренней политической системы, представлявшей изъ себя (какъ она характеризуется въ вышеупомянутой книгѣ „Von Nikolaus I zu Alexander III“, въ статьѣ „Der Ausgang Alexanders II“) *монструозное* „mixtum-compositum *изъ либерализма и деспотизма*“ **).

Справедливость требуетъ однако еще разъ напомнить, что этотъ „либеральный деспотизмъ“ или, вѣрнѣе, „деспотическій либерализмъ“ былъ лишь *отчасти*, а отнюдь *не* сполна *сознательною* „швиндельполитикою“ ***) со стороны Александра II и его совѣтниковъ. Въ прочей же своей части онъ (этотъ „деспотическій либерализмъ“) былъ *совершенно естественнымъ и фаталистически-неизбѣжнымъ*, *такъ*

*) Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ историковъ, по отношенію къ *полякамъ* Александръ II «оборвался» со своею вышеупомянутою «тонкою и (по его мнѣнію) дальновидною политикою» еще въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. — чуть ли не прямо искусственно вызвалъ возстаніе 1863 года. Срв. объ этомъ напр. въ двухъ нѣмецкихъ анонимныхъ книгахъ одного и того же автора, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1881 и 1882 гг.: «Von Nikolaus I zu Alexander III», стр. 362 seq. и «Russische Wandlungen», статья II.

**) Вообще въ этой статьѣ «Der Ausgang Alexanders II» тѣсная связь между двусмысленною, неискреннею и полною внутреннихъ противорѣчій политическою «системою» Александра II, съ одной стороны, и развитіемъ интенсивнаго революціонно-террористическаго движенія въ Россіи, съ другой — изображена очень наглядно и убѣдительно. То же самое — и въ разныхъ посвященныхъ царствованію Александра II мѣстахъ второй вышеупомянутой книги, «Russische Wandlungen».

***) Одинъ примѣръ изъ многихъ этой «швиндельполитики»: административная ссылка оправданныхъ судомъ лицъ при Александрѣ II.

сказать стихійнымъ послѣдствіемъ самодержавія. А это потому, что монархи-*автократы* даже и болѣе умные, честные и съ характеромъ, чѣмъ Александръ II, при всемъ своемъ желаніи никогда не въ состояніи были бы перейти — хотя бы лишь на короткое время, т. е. чтобы благополучно „перескочить“ черезъ кризисъ (срв. выше) — отъ системы грубо-деспотической николаевщины къ либерализму, хотя бы и умѣренному, но *цѣльному, искреннему и послѣдовательному;* т. е. не въ состояніи бы были избѣжать, *на практикѣ*, смѣшенія традиціонныхъ, деспотическихъ пріемовъ правленія съ новыми, либеральными. Такая задача фаталистически-недоступна даже и самому геніальному царю, потому что Россія вѣдь — громадное государство со 100 милліоннымъ слишкомъ населеніемъ; можетъ ли потому, спрашиваемъ мы, *одинъ человѣкъ* (царь), хотя бы и самый геніальный, даже при самомъ искреннемъ желаніи (а у Александра II и его *не* было) перейти въ *такомъ* государствѣ отъ старой системы правленія къ новой? Т. е. можетъ ли царь *всѣхъ* своихъ сановниковъ, *всю* свою бюрократію и „политиканствующую“ часть военнаго сословія какимъ нибудь магическимъ словомъ превратить изъ реакціонеровъ въ либераловъ, чтобы такимъ образомъ избѣжать вышеупомянутыхъ фатальныхъ „mixta composita“? Поставить этотъ вопросъ — значитъ отвѣтить на него.

Даже и сами наши самодержцы, если и не понимаютъ ясно этой истины, то во всякомъ случаѣ инстинктивно ее чувствуютъ и потому — не имѣя охоты отречься отъ самодержавія, т. е. не желая прибѣгнуть къ послѣдовательному и систематическому реформированію государства съ помощью земскаго собора и мѣстныхъ сеймовъ — *совершенно логически* и (съ точки зрѣнія собственныхъ, т. е. „шкурныхъ“ интересовъ) *правильно, т. е. цѣлесообразно* поступаютъ, рѣшившись, послѣ катастрофы 1 марта 1881 г., ужъ никогда больше не пускаться на скользкій и опасный путь самодержавно-либеральныхъ „реформъ“, фаталистически дающихъ на практикѣ лишь „смѣсь либерализма съ деспотизмомъ“, вызывающую, въ свою очередь, катастрофы вродѣ 1 марта.

Однако — die Katze lässt das Mausen nicht, а потому преемники Александра II на престолѣ и ихъ министры, вмѣстѣ со всею вообще высшею бюрократіею въ Россіи, всетаки продолжаютъ и дальше, — хотя и „на свой фасонъ“,

т. е. по новому, уже совсѣмъ безопасному рецепту, — практиковать выше охарактеризованную нами швиндельполитику. А это потому, что (также уже упомянутыя нами выше) выгоды отъ нея, въ области какъ внѣшней такъ и внутренней политики, слишкомъ ужъ соблазнительны для царскаго правительства. Если (такъ разсуждаетъ оно теперь) опасно царямъ-самодержцамъ играть съ огнемъ à la Александръ II, т. е. издавать указы о либеральныхъ реформахъ въ настоящемъ, хотя бы и не осуществляемые на практикѣ, — то кто же мѣшаетъ правительству показывать реформы въ *перспективѣ*, трубить или хоть таинственно и многозначуще подмигивать — обращаясь къ русскому обществу или къ западной Европѣ, въ частности ея „жидамъ“-капиталистамъ — на тему о „подготовляемыхъ“ для (ближайшаго) будущаго „реформахъ“ и „уступкахъ“ требованіямъ общества или духа времени? Особенно цѣнныя услуги оказываютъ въ *этомъ* отношеніи правительству разныя, будто бы періодически „созываемыя“ или „предстоящія къ созванію“ *коммиссіи* для выработки *проэктовъ* „реформъ“. Пальма первенства въ этого рода рубрикѣ самодержавно-„реформаторскаго“ швинделя принадлежитъ извѣстному „отцу лжи“, гр. Игнатьеву, который въ началѣ царствованія Александра III въ своей роли тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ созвалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ коммиссій для выработки цѣлаго ряда проэктовъ самыхъ разнообразныхъ „реформъ“; всѣ эти комиссіи и ихъ засѣданія однако, какъ и слѣдовало ожидать, кончились ничѣмъ...

Далѣе, эвентуально даже и этотъ путь *оффиціальныхъ* „либеральныхъ перспективъ“ для правительства можетъ оказаться неудобнымъ и опаснымъ, такъ какъ *впчно* вѣдь соловья баснями кормить нельзя, и даже многотерпѣливый русскій обыватель или либералъ — не говоря уже, конечно, о „дебоширствующей“ молодежи и радикалахъ — могутъ когда нибудь припереть правительство къ стѣнкѣ и *потребовать* отъ него „дарованія“ оффиціально обѣщанныхъ и оффиціально же признанныхъ необходимыми реформъ; а подпольные радикалы, въ порывѣ негодованія за вѣроломство и лживость царя и его сатраповъ, могутъ снова пуститься на разные „фейерверки“. Прекраснымъ средствомъ напередъ избѣжать этого опаснаго глухого переулка для правительства является — оффиціально всегда хранить въ этомъ отношеніи *многозна-*

чующее Юпитерское молчаніе, а показывать Россіи и западной Европѣ „перспективы реформъ“ путемъ *оффиціознымъ*, такъ какъ онъ, съ одной стороны, дѣйствуетъ на общество мало чѣмъ слабѣе оффиціальныхъ обѣщаній, а съ другой стороны имѣетъ еще то неоцѣнимое преимущество, что, какъ извѣстно, абсолютно ни въ чемъ не связываетъ правительства, которое всегда можетъ отпереться отъ разныхъ подобныхъ (имъ же за кулисами пущенныхъ и распространяемыхъ) обѣщаній и сообщеній.

Появляющіеся въ столичномъ обществѣ и проникающіе затѣмъ въ западно-европейскую прессу *слухи* („on dit“!), что царское правительство *намѣрено*, молъ, совершить такую-то „реформу“, — часто представляютъ изъ себя такую *оффиціозную* сознательную швиндельполитику русскаго правительства. Представители его — „въ качествѣ частныхъ лицъ“, конечно, — періодически, т. е. когда внутренняя или внѣшняя „политика“ этого требуетъ, распускаютъ такіе слухи въ столичномъ населеніи или ланспруютъ ихъ, чрезъ услужливыхъ или наивныхъ корреспондентовъ, въ западно-европейскую прессу. Кто не знаетъ, напр., подобныхъ „бесѣдъ“ разныхъ русскихъ „высокопоставленныхъ лицъ“ съ газетными корреспондентами?

Эта же самая система царскаго правительства — ограничиваться, съ теченіемъ времени, въ виду вышеупомянутыхъ соображеній, все болѣе и болѣе только *оффиціозными* перспективами „реформъ въ (ближайшемъ) будущемъ“, въ то время какъ, съ другой стороны, тоже уже отмѣченныя нами выше, въ цитатѣ изъ Степняка, обстоятельства, а также и духъ времени съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требуютъ, чтобы система правленія Россіею à la Николай I была сдана (хотя для виду) въ архивъ, — оба эти фактора въ своей совокупности и дали въ результатѣ то весьма характерное явленіе, что состоящая „къ услугамъ“ царскаго правительства *оффиціозная печать* теперь разрослась *до небывалыхъ прежде размѣровъ*. Въ самой Россіи разные полные оффиціозы, вродѣ „Новаго Времени“, „Свѣта“, нѣмецкаго „Петербургскаго Герольда“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и другихъ, и полуоффиціозы — какими можно назвать почти всю прочую нашу прессу, отнюдь не исключая органовъ такъ называемыхъ либеральныхъ и „народническихъ“, въ виду ея полной зависимости отъ цензуры, — по-

стоянно морочатъ своихъ читателей перспективами разныхъ „предстоящихъ“ благодѣтельныхъ правительственныхъ „реформъ“ или хоть „послабленій“, (въ сферахъ финансово-экономической, педагогической, даже политической...). Въ западной Европѣ наше правительство имѣетъ теперь къ „своимъ услугамъ“ также невиданное прежде число рептилій на всевозможныхъ языкахъ, трубящихъ на всѣ стороны, что въ Россіи весьма скоро, чуть ли не на дняхъ, наступитъ „новая эра“, посыпятся съ „высоты престола“ архилиберальныя и неслыханныя доселѣ реформы и т. п.

Впрочемъ, по отношенію спеціально къ большой массѣ *западно-европейской* публики, — не знающей хорошо или даже вовсе русской исторіи, „культуры“ и русскихъ „порядковъ“ и не умѣющей издалека точно опредѣлить характера текущей внутренней политики царскаго правительства и современнаго положенія дѣлъ въ Россіи, — относительно западной публики правительство это, говоримъ, въ практикѣ своей швиндельполитики заходитъ очень часто еще далѣе, чѣмъ оно осмѣливается это дѣлать (непосредственно) по отношенію къ *русскому* обществу. Различные, состоящіе на жалованьи у царскаго правительства заграничныя газеты и журналы, а также авторы отдѣльныхъ такихъ брошюръ и книгъ о Россіи изо дня въ день увѣряютъ своихъ читателей, что въ современной Россіи не только „подготовляются“, но также *непосредственно* и *непрерывно совершаются* великія реформы, или хоть административныя либеральныя мѣры, „съ восторгомъ привѣтствуемыя русскимъ обществомъ и сполна удовлетворяющія всѣхъ солидныхъ русскихъ либераловъ“, уменьшающія число недовольныхъ въ русскомъ государствѣ, постоянно повышающія его культурный уровень и благосостояніе его жителей и т. п. Особенно далеко по части этой швиндель-рекламы царскому правительству заходитъ въ послѣднее время напр. „Berliner Tageblatt“, въ своихъ корреспонденціяхъ изъ Петербурга періодически сравнивающій слабоумнаго и безхарактернаго юношу Николая II чуть ли не съ Петромъ I. Въ расходящихся по Россіи экземплярахъ такихъ, оплачиваемыхъ царскимъ правительствомъ заграничныхъ газетъ всѣ подобныя статьи иностранною цензурою, разумѣется, безпрепятственно пропускаются (въ то время какъ всѣ независимые отзывы западно-европейской прессы о Россіи этою же цензурою вырѣзываются или замазываются), чтобы

дать такимъ образомъ русской интеллигенціи „воочію убѣдиться“, какого лестнаго мнѣнія „компетентная“ и „солидная“ западная пресса о „новой, либерально-реформаторской“ эрѣ, „недавно начавшейся“ въ Россіи. Очевидно потому, что царское правительство держится мнѣнія, что mundus vult decipi — ergo decipiatur!

Въ такомъ, значитъ, розовомъ цвѣтѣ современное русское государство и правительство изображаются всею продажною частью западной и русской прессы. При этомъ почти всѣ, въ томъ числѣ даже и независимые и честные органы этой прессы, — при своихъ диспутахъ о томъ, „дѣйствительно и серьезно ли“ царское правительство „намѣревается“ или „не намѣревается“ совершить такую-то (приписываемую ему его оффиціозами) „реформу“, — *совершенно игнорируютъ другую, не менѣе важную сторону вопроса.* Она состоитъ въ томъ фактѣ, что въ современной Россіи *самодержавное* правительство (т. е. царь и его бюрократія) *даже при самомъ искреннемъ желаніи* не съумѣло и не могло бы произвести никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ и реальныхъ— а не бумажныхъ—реформъ. А это потому, что: 1-хъ понятія „русская бюрократія“ и „реформа“ другъ друга исключаютъ. Во 2-хъ, потому, что страхъ правительства, — довольно основательный, прибавимъ отъ себя, — что вступленіе его на путь самодержавно-либеральныхъ реформъ, т. е. въ слѣды Александра II, фаталистически должно будетъ кончиться такъ же плачевно и трагически, какъ кончилось правленіе Александра II, — страхъ этотъ, говоримъ, *уже въ самомъ зародышѣ* долженъ душить всякія „желанія“ (если бы таковыя и были на лицо, чего до сихъ поръ никто не доказалъ) царя-*автократа* и его совѣтниковъ пуститься на путь такихъ реформъ. — Обѣ эти истины нами уже подробно освѣщены выше, а потому здѣсь только въ резюмэ еще разъ напоминаемъ о нихъ въ виду ихъ принципіальной важности и того, что, какъ сказано, они игнорируются большинствомъ прессы въ Россіи и западной Европѣ.

Правда, что (какъ въ началѣ этой статьи уже было нами замѣчено) для всѣхъ людей, знакомыхъ хоть съ новою русскою политическою исторіею, уже царствованія разныхъ „либеральныхъ“ предшественниковъ Александра II на престолѣ должны были бы служить неоспоримымъ доказательствомъ, что въ такомъ громадномъ и многомилліонномъ государствѣ

какъ Россія и рѣчи не можетъ быть о сколько нибудь серьезномъ и прочномъ обновленіи и реформированіи его на почвѣ самодержавно-бюрократической. — Какъ мало однако даже самые талантливые и просвѣщенные политики наши учатся изъ исторіи, наглядно видно изъ того, что — несмотря на такіе прежніе, тяжелые уроки русской исторіи — при Александрѣ II, особенно въ первую половину его царствованія, почти всѣ наши, даже и самые „проницательные“ и искренніе легальные либералы, а также и «Колоколъ» Герцена, какъ извѣстно періодически требовали или „колѣнопреклонно“ просили у царя и его сановниковъ разнаго рода *спеціальныхъ* либеральныхъ уступокъ и реформъ — печати, суда, земства, народнаго образованія и т. д., — *забывая почти всегда о главной и основной реформѣ, безъ которой всѣ прочія не имѣютъ никакой реальной цѣны*, т. е. — объ упраздненіи самодержавія.

Въ настоящее время однако и особенно послѣ того какъ Александръ II всѣмъ царствованіемъ своимъ рельефно продемонстрировалъ утопичность, практическую непродуктивность, а по меньшей мѣрѣ эфемерность „либерально“-самодержавныхъ „реформъ“ — въ настоящее время, говоримъ, можно ужъ надѣяться, что по крайней мѣрѣ для передовой части русскаго общества является аксіомой та истина, что *единственная реформа*, которую русское общество должно требовать отъ русскаго самодержца это — отреченіе его отъ своего самодержавія и раздѣленіе „тягостей“ государственнаго управленія съ всероссійскимъ земскимъ соборомъ и мѣстными сеймами; другими словами — введеніе въ Россіи „правового порядка“ (конституціи).

И вообще: *малыя уступки* правительства, имѣющія *конституціонный* характеръ, обладаютъ несравненно бо̀льшею цѣнностью для общества, чѣмъ „большія уступки“ на почвѣ *самодержавной*. Или, чтобы взять крайній случай, — „самая консервативная конституція все же еще въ десять разъ лучше самаго «либеральнаго» самодержавія“. — И только за *конституціонныя* уступки русское правительство вправѣ ожидать благодарности отъ общества, вправѣ требовать прекращенія *революціонной* борьбы противъ царя и его чиновниковъ.

Такимъ образомъ, если разумные и серьезно-мыслящіе представители русской оппозиціи въ настоящій періодъ на-

шей исторіи, съ одной стороны, не должны требовать ничего *больше* конституціонной реформы — то, съ другой стороны, они въ то же время не должны требовать и принимать отъ правительства и ничего *меньше* „правоваго порядка". Ихъ лозунгомъ и цѣлью *всякой* вообще агитаціи въ современномъ русскомъ государствѣ, — какъ нелегальной, такъ и *легальной*, — должно быть: delenda est Cartago — русскій абсолютизмъ долженъ быть упраздненъ и замѣненъ *конституціонною монархіею* *).

II

Столько, значитъ, o r a i s o n d'ê t r e, *цѣляхъ и лозунгѣ* интересующей насъ здѣсь спеціально *легальной* конституціонной оппозиціи въ современной Россіи, чисто *легальной* агитаціи противъ правительственной политики мракобѣсія и угнетенія. Теперь обращаемся ко второй, такъ сказать, *технической* сторонѣ этой проблемы, — къ вопросу о *тактическихъ пріемахъ* и *путяхъ* такихъ легальныхъ оппозиціи и агитаціи и къ перечисленію тѣхъ *общественныхъ эле-*

---

*) Извѣстные стереотипные, скептическіе отзывы нѣмецкой прессы и авторовъ, между прочимъ, и солидныхъ нѣмецкихъ книгъ о Россіи насчетъ «нежелательности (изъ соображеній *внѣшней* германской политики, подобно тому какъ послѣ 1871 г. многіе нѣмецкіе либералы желали видѣть во Франціи «бонапартистскую реставрацію»?) или невозможности въ Россіи конституціоннаго управленія государствомъ» — отзывы эти основаны всѣ на *принципіальномъ недоразумѣніи*. Дѣло въ томъ, что эти нѣмецкіе скептики, говоря про «die Aussichtslosigkeit des Parlamentismus in Russland» и на тому подобныя темы, всегда имѣютъ при этомъ въ виду *централизованную* (и ipso facto болѣе или менѣе руссификаторскую) конституцію, т. е. съ однимъ лишь «земскимъ соборомъ» въ Петербургѣ. *Такая* «конституціонная» реформа для современной Россіи является, дѣйствительно, *утопіею* и была бы не менѣе эфемерна, чѣмъ реформы Александра II. Дѣло въ томъ, что въ такомъ огромномъ государствѣ какъ Россія, населеніе которой состоитъ изъ многихъ національностей, продуктивною и прочною является *единственно* конституція *автономнаго* типа (какъ эти — политическія и національныя—автономіи уже существуютъ въ Австріи); т. е. не только съ общеимперскимъ парламентомъ (земскимъ соборомъ), но еще и съ мѣстными сеймами въ Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ, Тифлисѣ и т. п. и съ самымъ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ для Ц. Польскаго, Литвы, Украйны, Балтійскихъ провинцій, русской Арменіи и т. д.

ментовъ, среди которыхъ въ современной Россіи эти агитація и оппозиція могутъ вестись всего легче и успѣшнѣе.

Въ первомъ раздѣлѣ этой брошюры мы охарактеризовали всѣ совершавшіяся нашими самодержцами „реформы“ какъ представлявшія изъ себя — по своей сущности и лишь за двумя, тремя исключеніями — просто на просто временныя „послабленія“, которыя правительство дѣлало подъ давленіемъ разныхъ *кризисовъ*, для того чтобы затѣмъ при первой возможности снова возвращаться къ составляющей „вторую природу“ русскаго самодержавія системѣ реакціоннаго мракобѣсія. *Отсюда само собою слѣдуетъ, какого рода тактики* всякая солидная, хотя бы и самая умѣренная русская оппозиція должна держаться, въ свою очередь, *во время такихъ кризисовъ* *). Ея лозунгомъ по отношенію къ царскому правительству должно быть тогда: Hic Rhodus, hic salta! Другими словами, во время такихъ *кризисовъ* нашею (т. е. всѣхъ представителей русской оппозиціи) гражданскою и патріотическою обязанностью является: *пользоваться затруднительнымъ положеніемъ самодержавнаго правительства* и требовать отъ него уступокъ и реформъ хотя бы (если нельзя иначе) и самыхъ умѣренныхъ, но *реальныхъ*, *прочныхъ* и *солидныхъ*, какими, какъ мы выше видѣли, могутъ быть уступки *исключительно конституціонныя*. Если правительство *дѣйствительно* и *искренне* желаетъ залечить раны, нанесенныя государству этимъ кризисомъ (такъ слѣдуетъ намъ тогда говорить), то пусть оно на мѣстѣ *докажетъ* это (hic Rhodus, hic salta!), а не кор-

*) Нисколько не скрываемъ отъ себя того факта, что все демонстрируемое нами дальше въ текстѣ о тактикѣ, которой слѣдуетъ держаться русской оппозиціи *во время кризисовъ*, имѣетъ, конечно, значеніе собственно лишь *принципіальное*. Это потому, что русскіе цари-автократы — положительно терроризированные трагическимъ исходомъ «ультралиберальнаго» (по мнѣнію этихъ grands enfants) царствованія Александра II (срв. здѣсь въ I разд.) — не только въ мирное и спокойное время не пустятся ужъ никогда на путь «реформъ»; но даже и въ случаѣ серьезнаго государственнаго кризиса (вызваннаго напр. внѣшнею катастрофою, которая впрочемъ, въ свою очередь, вслѣдствіе союза съ Франціею представляется крайне невѣроятною) едва и едва ли захотятъ «обновлять» государство à la Александръ II. А на *конституціонную* реформу у этихъ царей (по крайней мѣрѣ изъ *теперь* правящей Россіею вѣтви Гольштино-Готторпской династіи) нѣтъ ни достаточно безкорыстнаго патріотизма, ни политическаго ума.

мить соловья баснями, *не* пускается, во время или послѣ такого кризиса, на путь разныхъ „комиссій“ или тому подобной швиндельполитики à la Игнатьевъ; пусть, совершая „реформы“, дастъ всему обществу *гарантіи* въ ихъ прочности, въ томъ, что уступки и „послабленія“ эти дѣлаются правительствомъ *безъ заднихъ мыслей* о взятіи ихъ назадъ, лишь только кризисъ пройдетъ и раны отъ него залечатся. А такою гарантіею и можетъ быть *только* такъ наз. *правовой порядокъ*, т. е. Rechtsstaat, въ противоположность современному русскому Polizeistaat. И т. д. И лишь въ *такомъ* скучаѣ, т. е. только при *конституціонныхъ* уступкахъ правительство имѣетъ право ожидать, въ свою очередь, и отъ русской оппозиціи что она перестанетъ „дебоширствовать“, вести „фронду“ и пускаться эвентуально (насколько она представляетъ изъ себя оппозицію нелегальную) на путь конспираціи или тому подобныхъ „преступныхъ предпріятій“ для осуществленія своихъ извѣстныхъ „безсмысленныхъ мечтаній“.

Допустимъ однако (опять таки лишь для того, чтобы освѣтить *принципіальную* сторону этого вопроса, ибо фактически и т. д. — см. выше), что подъ непреодолимымъ давленіемъ какого нибудь кризиса царское правительство пустится на путь „реформъ“ и при этомъ — какимъ нибудь чуднымъ, сверхъестественнымъ образомъ забывая о трагическомъ исходѣ Александра II — „упрется“ и рѣшитъ производить эти „реформы“ не иначе какъ на *самодержавной* почвѣ. *Что*, *спрашивается*, *тогда дѣлать* русской солидной и энергической, хотя бы и самой умѣренной и легальной, *оппозиціи*? Ларчикъ этотъ открывается очень просто и притомъ именно вотъ какъ:

Выше, говоря о минимальныхъ (т. е. конституціонныхъ) требованіяхъ разумной русской оппозиціи отъ правительства, мы подчеркнули ту, для нашего времени, надѣемся, уже элементарную истину, что „либеральное“ или „демократическое“ самодержавіе — это contradictio in adjecto, если не прямо сознательный обманъ общества правительствомъ. Поэтому русскіе революціонеры, а равно и всякіе вообще представители хотя бы и чисто легальной, но солидной и уважающей себя русской оппозиціи—такъ сказали мы тамъ дальше— не будутъ компрометировать себя, ловясь на удочку разныхъ *автократическихъ* „либеральныхъ“ реформъ и, *въ отвѣтъ*

на послѣднія (прибавимъ теперь), *не только не сложатъ своего оружія, но еще подымутъ, опираясь на уступки и „послабленія“ правительства*, по всей Россіи *усиленную агитацію* для направленія также и легальной оппозиціи изъ мутнаго и сбивчиваго русла требованій отъ правительства частичныхъ уступокъ въ правильное и ясное ложе конституціонализма.

Отсюда слѣдуетъ, что если бы Николай II и его совѣтники *не* по требованію русской конституціонной оппозиціи, а такъ сказать *„по собственной иниціативѣ“* (т. е. подъ давленіемъ какихъ нибудь непреодолимыхъ препятствій или катастрофъ внѣшней политики или т. п. — вещь, правда, крайне невѣроятная въ настоящее время) вступили на путь большихъ или меньшихъ „послабленій“ общественнымъ требованіямъ (все равно — собственно ли русскимъ, польскимъ, прибалтійско-нѣмецкимъ, финляндскимъ и т. д.), хотя бы и на чисто самодержавной почвѣ, — что это было бы дѣйствительно вещью въ *извѣстномъ смыслѣ* желательною и полезною, даже и для русскихъ революціонеровъ. Да, польза отсюда получилась бы несомнѣнная, но—*чисто отрицательная*. Дѣло въ томъ, что такое отступленіе царскаго правительства отъ системы абсолютизма ультра-реакціоннаго на путь „послабленій“ или „реформъ“ самодержавнаго „либерализма“ не только не придало бы этому правительству той нравственной и юридической прочности, которою обладаютъ монархіи конституціонныя, но, напротивъ, *лишило бы политику царя послѣдовательности и единства*, сбило бы съ толку всѣхъ его агентовъ и сторонниковъ, а черезъ все это — нравственно дискредитировало бы его, и вообще *— разшатало и разстроило бы всю правительственную машину;* а этимъ же самымъ — *разчистило бы въ значительной степени путь къ полному ниспроверженію абсолютизма.*

Столько, значитъ, о томъ, какъ дѣйствовать русской оппозиціи, *если бы* правительство и т. д. Теперь обратимся къ изслѣдованію проблемы о *тактикѣ легальной агитаціи противъ самодержавнаго правительства каково оно въ дѣйствительности*, т. е. агитаціи противъ ультрареакціоннаго абсолютизма.

Нынче весьма распространено то убѣжденіе, что при настоящей правительственной системѣ, при свирѣпствующей

теперь въ Россіи реакціи, уничтожившей почти совершенно всѣ — и безъ того очень худосочныя и эфемерныя — реформы первой, т. е. „либеральной“ половины царствованія Александра II, — что при такихъ обстоятельствахъ никакая легальная борьба противъ русскаго автократически-бюрократическаго правительства невозможна. Мы, однако, увидимъ ниже, на нѣкоторыхъ конкретныхъ примѣрахъ, что по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ легальная агитація противъ абсолютизма въ Россіи возможна даже и теперь, — предполагая, конечно, что представители этой агитаціи обладаютъ достаточною степенью опытности, тактической ловкости, выдержки и преданности идеѣ конституціонной реформы.

Въ своей брошюрѣ „Либерализмъ и Земство въ Россіи“ (Женева 1889 г.) покойный Драгомановъ сдѣлалъ много очень цѣнныхъ указаній на различные пути, сферы и пріемы легальной конституціонной агитаціи. Обращая потому особенное вниманіе всѣхъ интересующихся (какъ въ Россіи, такъ и среди эмиграціи) этимъ вопросомъ лицъ на упомянутую брошюру, сдѣлаемъ отъ себя лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о тактикѣ легальной агитаціи.

Что касается, *во-первыхъ*, тѣхъ *общественныхъ элементовъ*, которымъ легче всего вести легальную агитацію, то такими элементами являются, очевидно, въ первой линіи — *всевозможныя корпораціи*. Таковы: дворянскія собранія, земства, городскія думы, корпораціи адвокатовъ, профессоровъ и т. п. Затѣмъ еще весьма цѣнными для *замаскированной* т. е. легальной, антиправительственной агитаціи являются *разные съѣзды:* землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, промышленниковъ, ученыхъ, педагоговъ, юристовъ и т. д. Соотвѣтственные спеціальные вопросы и интересы, страдающіе отъ самодержавно-бюрократическаго формализма и тупоумія, деспотизма и произвола, существуютъ для представителей *каждой* изъ только что упомянутыхъ спеціальностей, и — при должной предпріимчивости и ловкости агитаторовъ — обнаружатся болѣе или менѣе рѣзко во время соотвѣтственнаго „съѣзда“.

Теперь скажемъ, *во-вторыхъ*, нѣсколько словъ о *пріемахъ* легальной агитаціи, отнюдь (какъ уже выше сказано) не думая этимъ исчерпывать *всего* о тактикѣ и средствахъ легальной антиправительственной оппозиціи.

Стереотипные пріемы чисто законной агитаціи противъ правительственной репрессивной системы могутъ существовать даже и при переживаемой нами теперь эпохѣ крутаго абсолютизма 96 пробы.

Такими, весьма удобными (чтобы выразиться образно) точками приложенія для легально-оппозиціонныхъ рычаговъ въ рядахъ русскаго общества являются всѣ тѣ *привиллегіи, льготы* или „*послабленія*", которыми обладаютъ или будутъ впослѣдствіи, вслѣдствіе какихъ бы то ни было разсчетовъ правительства, эвентуально обдарены другія, *не русскія національности или провинціи*, входящія въ составъ Россіи.

Въ настоящее время, однако, въ этой имперіи есть на лицо собственно лишь одинъ такой „objectum ad demonstrandum", а именно — *финляндская конституція*, насколько она еще уцѣлѣла подъ русскимъ абсолютизмомъ, въ отличіе отъ уже почти сполна упраздненныхъ мѣстныхъ автономическихъ правъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ, въ сѣв. Ц. Польскомъ и Литвѣ. — *Всю силу и значеніе такого рода агитаціи* легко понять, если вспомнить, на сколько „дарованіе" Александромъ II конституціи *болгарскому* народу содѣйствовало тогда развитію и распространенію и въ *русскомъ* обществѣ конституціонныхъ идей и требованій — въ прессѣ, земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ и т. д. *). „*Чѣмъ русскіе хуже болгаръ?*" — говорили тогда всѣ наши истинные патріоты, понимавшіе, что „турки внутренніе" являются гораздо худшими врагами русскаго народа и вообще славянъ, чѣмъ „турки внѣшніе". — „*Чѣмъ русскіе хуже финляндцевъ?* — должны говорить теперь всѣ, *не потерявшіе еще окончательно чувства собственнаго (національнаго) достоинства* русскіе интеллигенты, демонстрируя, развивая и популяризируя эту идею во всевозможныхъ

*) Такъ напр. въ адресахъ, поданныхъ «государю императору» (Алекс. II) *харьковскимъ* и *тверскимъ земствами*, *болгарская конституція* служила прямо такого рода исходною точкою для требованія созванія всероссійскаго земскаго собора и др. реформъ. Въ извѣстной запискѣ русскихъ либераловъ, поданной ими въ первой половинѣ 1880 г. Лорисъ-Меликову, говорится между проч.: «Русскіе *не менѣе Болгаръ* созрѣли для свободныхъ учрежденій и не могутъ не чувствовать *глубокаго униженія*, оставаясь такъ долго подъ (самодержавно-бюрократической) опекой». (Срв изданную въ 1890 г. на русскомъ языкѣ брошюру Кеннана «Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ», стр. 40, а также статью IV, 4 въ вышеупомянутой книгѣ «Russische Wandlungen», стр. 319).

варіаціяхъ, — въ легальной прессѣ (открыто или хоть между строками), въ дворянскихъ и (рудиментарныхъ) земскихъ собраніяхъ, въ „салонахъ“ и частныхъ бесѣдахъ и т. п.; наконецъ — въ адресахъ, подаваемыхъ царю.

Это и будетъ однимъ изъ стереотипныхъ пріемовъ легальной агитаціи противъ абсолютизма. Даже — на сколько дѣло касается легальной русской прессы — даже уже одно такое, возможно частое напоминаніе читателямъ о финляндской *конституціи* и о политическихъ *правахъ* финляндцевъ, императоромъ которыхъ является *тотъ же самый* Николай II, который относительно своихъ ближайшихъ „вѣрноподданныхъ“, т. е. русскаго общества и народа, является автократомъ-самодуромъ,—*уже одно такое напоминаніе* представляетъ изъ себя весьма цѣлесообразный пріемъ для анти-автократической пропаганды въ рядахъ русской интеллигенціи.

Тѣ же самые результаты получатся также, если русская легальная (періодическая и непериодическая) печать будетъ *при каждомъ подходящемъ случаѣ наглядно выставлять на видъ предъ своими читателями тотъ порядокъ и благоустройство*, которыми конституціонная *Финляндія*, какъ извѣстно, такъ выгодно отличается отъ нашей „матушки Россіи“ съ ея самодержавными неурядицей и анархіею.

Подобнымъ же образомъ можно и должно дѣйствовать русской интеллигенціи и въ будущемъ, при извѣстныхъ эвентуальностяхъ. Если бы напр. Николай II началъ даровать разныя *льготы* или дѣлать такъ наз. „*послабленія*“ польской, балтійско-нѣмецкой и проч. культурнымъ національностямъ въ Россіи, то именно чрезъ это создается весьма удобная точка опоры для „оппозиціонныхъ рычаговъ“ въ русскомъ обществѣ, съ цѣлью ниспроверженія зданія реакціи. „Чѣмъ русскіе (велико- и малороссы) хуже поляковъ, литовцевъ, балтовъ и т. д.?“ — вотъ пароль для легальной либеральной агитаціи въ такихъ случаяхъ.

Равнымъ образомъ и наоборотъ: аналогичные пріемы могутъ вполнѣ успѣшно примѣняться и представителями только что упомянутыхъ не-русскихъ національностей, для отстаиванія своихъ автономическихъ стремленій и принципа безусловной равноправности всѣхъ національностей, языковъ и вѣроисповѣданій въ русской имперіи, — если бы напр. у насъ, въ русскомъ обществѣ, снова нашлись, какъ это было въ началѣ 60-хъ годовъ, шуты гороховые, вѣрующіе въ

осуществимость такого рода комбинаціи, при которой русское правительство душило бы напр. поляковъ и въ то же время „либеральничало“ бы по отношенію къ собственно-русскому (точнѣе великорусскому) обществу*),—и если бы какой нибудь новый царь когда либо „призналъ за благо“ поступить по такому, либерально-руссификаторскому рецепту.

Впрочемъ даже и теперь представители упомянутыхъ національностей, пользующихся меньшими правами, чѣмъ великорусская интеллигенція, могутъ — напр. при полемикѣ со сторонниками руссификаторскаго „либерализма“ — съ большимъ успѣхомъ основывать свои національно-автономическія стремленія на *слѣдующемъ оппортюнистическомъ аргументѣ*, убѣдительномъ для всякаго интеллигента, не зараженнаго побѣдоносцевскимъ мракобѣсіемъ (каковой аргументъ, замѣтимъ кстати, германскіе соціаль-демократы выставляютъ всегда какъ принципіальное возраженіе противъ всякаго рода „исключительныхъ законовъ“): — „Вся сила современнаго государства основана на деньгахъ и арміи; деньги же, т. е. подати и налоги, и такъ наз. *кровавый налогъ* (воинскую повинность) всѣ эти невеликорусскія націи — малороссы, литовцы, поляки, евреи, армяне, грузины и проч. — вѣдь уплачиваютъ правительству не въ меньшемъ размѣрѣ, а часто даже въ большемъ, чѣмъ великороссы. *А потому равнымъ обязанностямъ должны соотвѣтствовать и равныя права.* Безусловно же необходимою гарантіею и внѣшнимъ выраженіемъ послѣднихъ являются, кромѣ общеимперской конституціи, — *мѣстныя* автономіи и сеймы, съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ“.

Такимъ образомъ главное условіе всякой успѣшной борьбы — viribus unitis, всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ (т. е. каждая національность, входящая въ составъ населенія имперіи, за всѣ прочія національности и всѣ за каждую) можетъ быть, какъ мы видимъ, сполна проведено на практикѣ *даже вопреки* наивно-близорукимъ и узко-эгоистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ національностей, или, вѣрнѣе, аристократическихъ и клерикальныхъ ихъ элементовъ.

Другимъ, тоже весьма острымъ оружіемъ въ рукахъ искусныхъ людей для замаскированной, т. е. легальной атаки противъ абсолютизма и его аттрибутовъ (также чрезъ

*) Срв. объ этомъ въ упом. выше брошюрѣ «Либерализмъ и Земство», стр. 8 и слѣд.

легальную прессу, чрезъ рѣчи въ вышеупомянутыхъ корпораціяхъ, бесѣды въ салонахъ и т. д.) является возможно болѣе частое проведеніе параллели между *способами суда* практикуемаго въ Россіи надъ преступниками *уголовными* и *политическими*. За уголовныя преступленія по судебнымъ уставамъ и „Улож. о наказ. имп. Алекс. II“ смертной казни, какъ извѣстно, не полагается; за политическія — напротивъ въ весьма многихъ случаяхъ. Притомъ и сама процедура въ обоихъ случаяхъ принципіально-различна, что представляетъ изъ себя также весьма сильный аргументъ для анти-автократической пропаганды, пока въ Россіи существуютъ присяжные и гласность только для *не*политическихъ процессовъ *).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ еще о системѣ *пассивной оппозиціи* противъ реакціоннаго правительства и его представителей. Пассивная оппозиція можетъ быть иначе названа *отрицательною*, ибо она состоитъ въ *несовершеніи* цѣлымъ обществомъ или извѣстными его группами извѣстныхъ дѣйствій. Держаться *хоть такой* оппозиціи составляетъ *минимальную* гражданскую обязанность всякаго русскаго интеллигента, не обожающаго реакціоннаго абсолютизма и правительственнаго мракобѣсія.

Даже самый что ни есть „солидный“ русскій либералъ, съ ужасомъ сторонящійся, ужъ не говоримъ отъ „писанія“ чего либо противъ особы „государя императора“ (въ безцензурной прессѣ или въ частныхъ письмахъ), но даже и

*) Вотъ что говоритъ Драгомановъ объ этомъ вопросѣ («Либерализмъ и Земство» стр. 63): «Присяжные, какъ и гласность суда, есть одна изъ гарантій независимости судебной процедуры и приговора, а слѣдовательно истиннаго правосудія, — а потому, разъ она существуетъ для однихъ видовъ преступленій, не логично не быть ей и для другихъ. Общественное сознаніе всегда будетъ смущаться, если не возмущаться, всякаго рода исключительными судами, и *всегда найдутся люди, которые растолкуютъ ему* ненормальность того, что разбойникъ судится съ большими гарантіями, чѣмъ сочинитель, а профессіональный жуликъ съ большими, чѣмъ противникъ, часто только теоретическій, господствующей формы правленія. Въ Россіи же, гдѣ введеніе «Судебныхъ Уставовъ» 1864 г. не повело за собою ни уничтоженія III отдѣленія съ произвольными арестами, ни административной ссылки, — какъ того всѣ ждали и какъ на то намекала даже правительственная комиссія, составлявшая основы судебной реформы, — эта нелогичность бросается въ глаза еще больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Вотъ почему въ Россіи *принципы* «Судебныхъ Уставовъ 1864 г.» получили, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, не *только политическій но прямо антиправительственный характеръ*....»

въ устныхъ разговорахъ боящійся критически отозваться о царѣ, — тѣмъ не менѣе безъ всякаго риска для своей солидной персоны можетъ практиковать по отношенію даже къ самымъ высокопоставленнымъ особамъ систему *хоть пассивной оппозиціи*. Исходная точка и нравственное оправданіе для нея — насколько дѣло идетъ напр. о „самомъ“ — теперь слѣдующія: Николай II своею рѣчью 17 января о сохраненіи самодержавія и всѣми своими дальнѣйшими мѣрами наглядно показалъ, что отъ него русское общество ужъ *ничего ожидать не можетъ*. Eine Liebe ist der anderen wert, и потому долгомъ всѣхъ тѣхъ нашихъ либераловъ, которые не хотятъ принимать даже и косвеннаго участія какъ въ *активной нелегальной* борьбѣ противъ самодержавнаго царя (напр. въ устраненіи его съ престола), такъ и въ чисто *легальной*, *активной* же, оппозиціи противъ правительства (см. выше), — долгомъ всѣхъ такихъ либераловъ, говоримъ, является *по крайней мѣрѣ пассивная* — т. е. ужъ ультралегальная — *оппозиція* противъ особы самодержца и его сотрудниковъ-реакціонеровъ; другими словами — *молчаливое* (а потому абсолютно безопасное) *бойкоттированіе* его особы и имени, съ лозунгомъ: *Мы тебя (Николая II) знать больше не хотимъ*; отъ тебя намъ ждать больше нечего, *а потому ты для насъ больше не существуешь*, — bist für uns vollständig Luft, какъ говорятъ нѣмцы въ такихъ случаяхъ *). Личная „симпа-

*) Что́ послѣ этого сказать напр. о такомъ «либеральномъ демократѣ», какъ Н. К. Михайловскій, который въ майской книгѣ «Русскаго Богатства» за 1895 г. (т. е. уже *послѣ* царской рѣчи о самодержавіи и *послѣ* запрещенія «Русской Жизни») въ своихъ стереотипныхъ очеркахъ о «Литературѣ и Жизни» на стр. 94 совершенно добровольно воскуряетъ ѳиміамъ передъ «Государемъ», печатая это слово притомъ прописною буквою (обычай скверный и притомъ —чисто русск:й: въ конституціонныхъ монархіяхъ такого рода сервилизмъ и идолатрія не практикуются даже самыми вѣрноподданными публицистами)?

Другой изъ многихъ, еще болѣе рельефный примѣръ такого сервилизма (или, какъ нѣмцы называютъ подобныя вещи, такой Speichelleckerei) предъ разными «августѣйшими особами», съ полнымъ, — точно во «всеподданнѣйшемъ прошеніи» — выписываніемъ ихъ титуловъ, именъ, отчествъ и проч. прописными буквами, мы видимъ въ передовицѣ «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 5 сентября ст. ст. 1895 г. И въ этомъ, также имѣющемъ претензію на «либерализмъ» и «свободомысліе» органѣ, такое и подобное холопство практикуется, значитъ, даже и *послѣ* царской рѣчи о сохраненіи самодержавія! А

тичность“ или „несимпатичность“ особы Николая II тутъ, разумѣется, непричемъ,—дѣло вѣдь въ томъ, представителемъ *какой правительственной системы* является теперешній царь.

Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что если имѣющій претензію на репутацію не-реакціонера русскій публицистъ будетъ заводить въ будущемъ рѣчь о „Государѣ“ (вѣдь *критическаго* о царѣ легальная русская пресса ничего не смѣетъ сообщать!), то публицистъ долженъ дѣлать это *во всякомъ случаѣ* такъ, чтобы читатели его наглядно видѣли, что совершаетъ онъ это подъ *непосредственною цензурною прессіею* и въ то же время обязанъ постараться, чтобы детальное сообщеніе объ этой прессіи какъ можно скорѣе опубликовалось въ заграничной русской печати.

Равнымъ образомъ и вся вообще русская „либеральная публика“, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, можетъ, безъ малѣйшаго риска и отвѣтственности, практиковать „бойкотированіе“ персоны Николая II. Вотъ образецъ для этого. При послѣднемъ посѣщеніи Берлина кн. Бисмаркомъ улицы города (какъ должна была признаться сама буржуазная пресса) были далеко не такъ набиты публикою, какъ въ прежніе годы, когда Бисмаркъ появлялся на улицахъ германской столицы. Почему? А потому, что соціаль-демократическая партія дала всѣмъ берлинскимъ рабочимъ, т. е. въ сущности сама себѣ, лозунгъ — совершенно игнорировать кн. Бисмарка (въ качествѣ инициатора исключительныхъ законовъ противъ германской соціаль-демократіи и другихъ реакціонныхъ мѣръ) и безъ крайней необходимости *не* выходить въ этотъ день въ Берлинѣ на улицу, чтобы кн. Бисмаркъ и его поклонники не могли хвалиться, что рабочіе имъ интересуются и привѣтствуютъ его пріѣздъ. Что Бисмаркъ для германскихъ рабочихъ, то Николай II для, хотя бы

между тѣмъ тѣ же самыя «Р. В.» два дня раньше въ своей Берлинской корреспонденціи свысока подсмѣиваются надъ *совершенно аналогичнымъ* сервилизмомъ извѣстныхъ нѣмецкихъ фракцій по отношенію къ Вильгельму II въ началѣ его царствованія. Выходитъ, значитъ, что не только унтерофицеріи, но также и наши «либералы» занимаются спортомъ *самосъѣденія!* — Кстати. мелкая, но характерная черта: «Р. В.», имѣющія претензію быть газетою «прогрессивною» и «профессорскою», усердно культивируютъ — допотопную или «православную» астрономію: газета эта выходитъ съ означеніемъ въ своемъ заголовкѣ *только* стараго, т. е. астрономически невѣрнаго стиля, тогда какъ часто даже закоулочныя русскія газеты на своихъ номерахъ хоть въ скобкахъ ставятъ грегоріанскій стиль.

и умѣренныхъ, но уважающихъ себя русскихъ либераловъ (а не только радикаловъ). Потому аналогичную систему слѣдуетъ обществу примѣнять напр. при посѣщеніи самодержцемъ даннаго города, — въ смыслѣ *не*выхожденія въ этотъ день на улицу, *не*стоянія на балконахъ и у оконъ и т. п.

Кто этого не захочетъ дѣлать, желая напр. изъ дѣтскаго любопытства „посмотрѣть на царя и царицу", тотъ показываетъ, что онъ свои личныя слабости ставитъ выше общественныхъ интересовъ, а потому и по отношенію къ нему русская оппозиція можетъ примѣнить тотъ же самый нравственный принципъ (какъ аукнется, такъ и откликнется); т. е., такъ сказ., заносить подобныхъ жалкихъ людей, — равно какъ вышеупомянутыхъ публицистовъ, добровольно восхваляющихъ „Государя" и т. п. особъ или вообще упоминающихъ о нихъ), — въ *„черную книгу русской оппозиціи"*. Другими словами, если данное лице, хотя и являющееся на словахъ либераломъ, на практикѣ однако заботится лишь о своихъ собственныхъ благополучіи и карьерѣ, ставя общественные интересы равными нулю; то и представители послѣднихъ, т. е. всякая оппозиціонная фракція въ свою очередь можетъ поставить личное и семейное счастье такихъ, неспособныхъ даже къ *чисто пассивной*, абсолютно безопасной оппозиціи, лицъ *равными нулю* и при веденіи своей активной (легальной или нелегальной) борьбы противъ абсолютизма совершать соотвѣтственныя дѣйствія (конечно, ужъ *сами по себѣ* полезныя съ точки зрѣнія такой борьбы), *хотя бы* чрезъ нихъ и разрушалось личное и семейное счастье только что упомянутыхъ эгоистовъ *).

Дальнѣйшій пріемъ пассивной оппозиціи состоитъ въ *не*посылкѣ разными группами лицъ (корпораціями, „собраніями", „съѣздами" и т. д.) поздравленій царю или его семьѣ въ „высокоторжественные дни" и заявленій соболѣзнованія въ дни траурные **). Всякая такая группа состоитъ изъ отдѣльныхъ

*) Примѣры: при прочихъ равныхъ условіяхъ слѣдуетъ устраивать тайныя типографіи, конспиративныя собранія, мастерскія и т. п. въ домахъ или квартирахъ (если тамъ имѣются подквартиранты) именно такихъ эгоистическихъ лицъ, хотя бы и напередъ извѣстно было, что чрезъ это ставится на карту ихъ личное и семейное благополучіе.

**) Блестящею гражданскою заслугою такого рода является постановленіе чрезвычайнаго земскаго собранія въ Самарѣ, которое 5 марта 1881 г. почти единогласно (кромѣ трехъ голосовъ) рѣшило *не* посылать «всеподданнѣйшаго адреса съ выраженіемъ соболѣзнованія

лицъ и потому, если она не рѣшится (подобно упомянутому самарскому земству) in corpore и открыто отказаться отъ посылки поздравленія, соболѣзнованія и т. п., то вѣдь *каждое отдѣльное лицо* этой группы можетъ, въ крайнемъ случаѣ, выставить передъ соотвѣтственною властью разнаго рода „совершенно спеціальныя и вполнѣ исключительныя" обстоятельства (болѣзнь, опозданіе къ поѣзду, какое нибудь „недоразумѣніе" и т. п.) какъ объясненіе своего неучастія въ данномъ поздравленіи или тому подобномъ актѣ сервилизма.

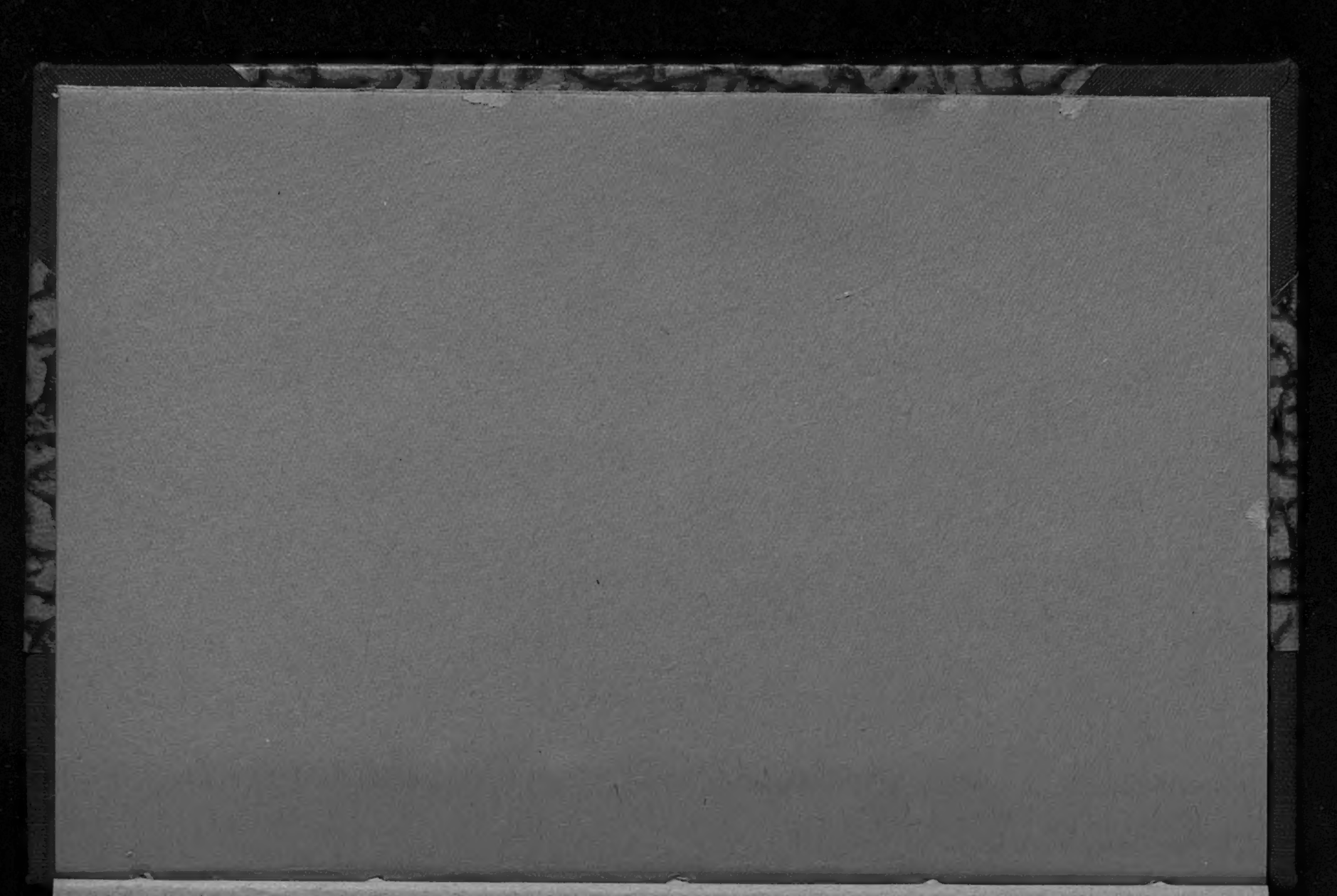
Таковы, значитъ нѣкоторые — самые рельефные — примѣры того, какимъ образомъ одною уже пассивною легальною оппозиціею можно нравственно изолировать наше реакціонно-самодурное правительство.

Дальнѣйшимъ, весьма полезнымъ пріемомъ оппозиціи — въ данномъ случаѣ уже снова активной и закордонной — является публикація русскою безцензурною прессою и такими изданіями, какъ напр. лондонская „Free Russia" и друг., всѣхъ случаевъ открытаго и замаскированнаго *давленія* „властей" на извѣстныхъ лицъ или общественныя группы, съ цѣлью предупрежденія или парализаціи разныхъ — только что нами перечисленныхъ и другихъ — случаевъ пассивной оппозиціи. „Русское правительство дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы, съ помощью такихъ то и такихъ то мѣръ, вызвать въ разныхъ элементахъ русскаго общества проявленіе хоть чисто-внѣшней, формальной преданности царю и его семьѣ", — публикуемыя подъ такою рубрикою въ только что упомянутой нами прессѣ сообщенія изъ Россіи, трактующія о соотвѣтственныхъ конкретныхъ фактахъ, очевидно весьма будутъ способствовать дискредитированію Николая II и „прочности" его правительства въ глазахъ какъ самого русскаго общества, такъ и западной Европы.

Этими отрывочными замѣчаніями и ограничимъ пока наше изслѣдованіе о легальной агитаціи противъ абсолютизма.

по поводу смерти Александра II и поздравленіемъ Александра III съ восшествіемъ на престолъ». Мотивировало земство это рѣшеніе тѣмъ, что вѣдь *правительство само не хочетъ слушать голоса общества*. — (Подробности см. въ упомянутой брошюрѣ Ф. Волховскаго, 45).

Цѣна 50 сант.

Imprimerie Ukraïnienne. Route Caroline, 11. Genève.

Библиотека
ститута Ленина